

Вера Васильева: «Когда судьба перестала мне улыбаться, я просто сказала: «Спасибо за то, что было» Фото: ИТАР-ТАСС

“Я жила и живу кротко”

Вера Васильева — Газете

Вера Кузьминишна Васильева сыграла в новом спектакле Театра Сатиры «Таланты и поклонники» Домну Пантелеевну. Перед премьерой с Верой Васильевой встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Скажите, как-то дополнительно повлияло на ваши переживания то, что террористический акт начался на спектакле, в театральном здании?

Чувства, конечно, были ужасающими. Вот сейчас модно быть религиозным, но я себя таковой назвать не могу. Я просто в этом смысле неграмотна. Но, как человек с христианским мировоззрением, я молила Бога, чтобы произошло чудо. Я не могла себе представить никакого выхода. Абсолютная капитуляция? Понятно, что ради людей и на такое можно идти. Но в то же время было понятно, что такого, наверное, не может быть. А то, что это случилось на спектакле, в театральном здании, — у меня не вызвало ощущения вины или греха.

Сегодня вы играете героиню Островского Домну Пантелеевну. Вы опираетесь на какой-то знакомый вам образ?

Моей мамы. Не полностью, конечно, но какие-то черты своей мамы я в ней узнаю. Моя мать была очень простым человеком, очень реалистичным. И когда я эту роль делала, я ее вспоминала, потому что я на свою «сценическую дочку» и прикрикну, и дурочкой ее считаю... Моя мама, помню, перешьет себе из старья платья какие-нибудь — и чувствует себя королевой. Причем в нее все влюблялись! Помню, у нее был воротник из невыделанной шкуры лося на шубе. Однажды она пришла домой и говорит: «Что-то на меня все так издали стали любоваться в трамвае! Я вошла — было тесно, а потом все разошлись, и все на меня смотрят. Наверное, очень красивый у меня воротник!» А оказалось, что он так линял, что все от нее отошло. А она себя чувствовала королевой!

А папу моего звали в деревне «святой Кузьма», потому что он был необыкновенно добрый, кроткий и даже романтический. Помню, как он сидел дома, читал «Войну и мир», снимал очки, вытирал слезу, вздыхал: «Ах, как хорошо написано!» И вновь надевал очки и читал. Так что и мама, и папа меня до сих пор питают. И мамочка меня питала именно в роли Домны Пантелеевны.

Работая над ролью Домны Пантелеевны, вы представляли себе такую ситуацию:

к вам приходит дочь и говорит, что можно сделать блистательную актерскую карьеру, но для этого нужно пойти в содержанки к богатому человеку?

Да, представляла. И, наверное, я, ощущая ее талант, проглотила бы какие-то несовершенства жизни ради того, чтобы она была на сцене. Если у нее большой талант.

А вам приходилось чем-то жертвовать, чтобы быть на сцене?

Нет. Я благодарна судьбе, которая меня не ставила в положение выбора. Я считаю, что моя актерская судьба сложилась удачно.

Но ведь у вас был период, когда вы многие годы не получали новых ролей?

Мне нетрудно было терпеливо ждать. То есть, может быть, было и трудно, но не в моем характере чего-то добиваться, бороться, уходить из театра. Я считала: ну, значит, судьба моя такая.

Вы не пытались поговорить с Плучеком?

Это было бессмысленно. Эти годы молчания — безумно печальны, но, понимаете, мне слишком долго улыбалась судьба. Поэтому, когда она перестала мне улыбаться, я просто сказала: «Спасибо за то, что было, а дальше...» Вы знаете, я жила и живу кротко. И кажется, что ангел-хранитель посылает мне много хорошего за терпение.

А вам не хотелось быть другой? Хотя бы в те моменты, когда ваше терпение, как вы говорите, приносило так много печали?

А я просто не могу быть другой. Я ведь даже не знаю, что такое поссориться. Так было всегда: с самого детства — ни одной ссоры.

Я с трудом себе представляю, как такое возможно.

А я вот даже не знаю, как возможно поругаться с кем-то. Но я замолкаю очень выразительно. Люди всегда чувствуют, что я как бы отлетаю от них. Для тех, кто мною дорожит, это неприятно. А тем, кто не дорожит, — наплевать.

Вам не кажется, что Валентину Плучеку нужно было раньше покинуть пост художника Театра Сатиры?

Мы думали, что он сам к этому решению придет. Ведь характер у него был довольно сложный, и мы не знали, как к нему с этим предложением подойти. Если бы он это сделал чуть раньше, для него это было бы более красиво. Но когда это ему предложило сделать Министерство культуры, то и мате-

риально, и человечески все сохранилось за ним. Но мы же не могли годами ждать, когда он прочтет пьесу или что-нибудь посмотрит.

Было очень комично, когда он сказал, что уступает дорогу молодым, и театр возглавил Александр Ширвиндт. Ширвиндт ведь не рвался к этому! Но нельзя же было брать со стороны совершенно чужого человека, которому наплевать на коллектив, на наше прошлое... И он мог бы корезить все, как хотел! Ведь Плучек не вырастил режиссера, которому мог бы передать театр. А Шура Ширвиндт — добрый человек, не рвущийся к власти. А дальше — жизнь покажет.

Сейчас главным усилием Александра Ширвиндта является сохранение всего на своих местах.

Посмотрим, как будет жизнь складываться. Пока упрекнуть нас особенно не в чем.

Какая роль вам дала наибольший материал для самопознания?

Так получилось, что последние годы я играла исключительно для себя. В Твери я играла Раневскую, Кручинину — в Орле. Эти роли давали мне полноту женской души. Раневская — и женственная, и беспомощная. Эта женщина не может пойти ни на какую вульгарность, хотя про нее говорят, что она греховна. Она греховна, как истинная женщина.

А истинная женщина — греховна?

Конечно! Она ведь вызывает самые плотские чувства, греховные. Конечно, и возвышенные, но она греховна просто потому, что она вызывает это. А образ Кручининой мне казался современным, потому что я последнее время читаю в газетах ужасающие какие-то факты: то ребенка бьют в мусоропроводе, то, родив, оставляют, уходят. И ощущение, что количество брошенных детей огромно, помогало мне создать этот образ.

Какие изменения произошли с театральной публикой за последнее время?

Мне кажется, она очень расслоилась. Есть часть публики, которая любит легко, клипово воспринимать искусство. Она, на мой взгляд, мало способна к восприятию высокого искусства. Она приходит, чтобы ее покормили зрелищем и «перчиком» каким-нибудь. А другие приходят по старинке — за чем-то человеческим, духовным, красивым. Я люблю, конечно, вторую публику.